

Сергей Калмыков

Карандашные строчки

Вместо пролога

Однажды встретился я в Одессе с интересным собеседником, Фредериком де Граве. Он француз, живущий в Бельгии, славист и арабист, маркиз, влюбленный в творчество Ильи Репина. Написал книжку о нем, красиво изданную сперва на французском, затем и на русском языках.

Когда же Фредерик сообщил, что теперь занялся советскими песнями времен войны с фашизмом, то невольно и я в какой-то мере этим заразился.

Как в те времена проникали песни в наш быт? Ну, по радио, с патефонных пластинок (у кого был патефон), еще в значительной степени из кинофильмов. Ведь кино было воистину всем – и доступным развлечением, и окном в мир, и средством формирования советского характера.

Песни запоминались и жили собственной жизнью. Безусловно, в предвоенных песнях преобладала героика, чему приведу несколько примеров.

Здравствуй, страна героев, страна искателей, страна ученых!

–

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

–

Штурмовать далёко море посылает нас страна.

–

На далеких берегах Амура часовые Родины стоят.

—

Я тебя провожала и слово сдержала врагам отомстить...

—

Когда настанет час бить врагов, от всех границ ты их отгоняй.

Но роковое нашествие врагов все же произошло, и оказалось оно страшным, и немудрено, что наряду с фанфарной героикой зазвучала не только неизбежная скорбь по бедам и утратам, но и надежда на возврат мирных дней.

Ты меня ждешь и у детской коляски не спишь, и поэтому знаю – со мной ничего не случится...

—

Взойдет на утес черноморский матрос, что Родине новую славу принес.

—

Парня встретила дружная фронтовая семья.

—

Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет.

—

За слезы наших матерей, за нашу Родину – огонь, огонь!

—

Чуть загрустив, знакомый мотив припомним мы мирной порой, споем о боях, о старых друзьях, когда мы вернемся домой.

Как бы ни было невмоготу, но люди при всех обстоятельствах пели. «Плакали и пели», – как сказал классик. Исходили из разных возможностей, Сами придумывали неумелые строчки, использовали знакомые напевы. Записывали на случайных листочках, давали переписать друзьям. Безыскусное творчество жило и даже частично выжило.

Уж не помню, когда я подобрал какую-то тетрадку, точнее, немецкие сброшюрованные ведомости, где страницы были исписаны плохоньким карандашом, не очень грамотными куплетами. Иногда было понятно, какой предполагался мотив, иногда нет.

Общим было то, что это были слезы об утраченной молодости, копеечной судьбе и беспросветности. Вот на выбор.

Раскинулись рельсы широко,
По ним эшелоны летят –
Они с Украины вывозят
В Германию наших ребят.

–

Ой, не жди, стара моя матінко,
Твоїй доньки давно вже нема.
Вона вмерла в німецькому краю,
Лиш чорніє могила одна.

Прошла зима настало лето,
В саду цветочки расцвели,
Меня, молоденьку девчонку,
В немецкий лагерь отдали.

–

Рвались снаряды, дымом обвиваясь,
Летели пули, смерть с собой неся,
А мы в окопе часто вспоминали
Про дом родной, зеленый сад, ее глаза.

–

Я живу близ Балтийского моря,
Где кончается город Ростов.
Я живу при нужде и при горю,
Хочу видеть тебя, хоть часок.

Не один еще послевоенный год на базарах и в поездах убогие инвалиды исполняли этот репертуар, приговаривая: «Братья-сестры, отцы-матеря, пожалейте мое калецтво!».

Вместо эпилога

В тетрадке, о которой я рассказал, была такая строчка: «Х-1945 Гродно, землянка № 115. Во время возвращения на Родину».

Владелицу тетрадки, оказалось, я знал. Сирота, которую родня не особо жаловала. Одевалась во что дадут. Однажды соорудила елочку из подобранных веток и цветных бумажек. А когда Одессу освободили от оккупантов, ушла с нашими войсками, хоть было ей 17 неполных лет. Вернулась беременной, ребенок умер. Вот она, непридуманная горькая судьба. Но люди жили, люди надеялись...

